

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ И ДО-ПЕТРОВСКАЯ ПИСЬМЕН- НОСТЬ.

(Исторія русской словесности, сост. И. Порфирьевъ. Ч. I. Древній періодъ. Устная, народная и книжная словесность до Петра В. Изданіе 3-е. Казань, 1879.)

Книга г. Порфирьева выдержала уже три изданія. До выхода ея авторъ напечаталъ лишь нѣсколько статейъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, и имя его вовсе неизвѣстно въ литературѣ, но тѣмъ не менѣе отъ него мы вправе ожидать серьезнаго труда, а не спекуляціи, вродѣ тѣхъ, какими наводняютъ книжный рынокъ разные Филоновы, Гавриловы, Евстафьевы и др., ихъ-же имена ты, Господи, вѣси. Дѣло въ томъ, что г. Порфирьевъ уже около 30 лѣтъ профессорствуетъ въ Казани, читая исторію русской литературы. Обезпеченный матеріально, вполне располагая своимъ временемъ и имѣя подъ руками бывшую бібліотеку Соловецкаго монастыря, съ ея множествомъ матеріаловъ, драгоцѣнныхъ для исторіи древне-русской письменности, онъ могъ надлежащимъ образомъ обработать свой предметъ... Кромѣ того, сколько въ продолженіи 30 лѣтъ было сдѣлано новыхъ изслѣдованій по предметамъ, входящимъ въ его програму: какъ, напр., труды Лебока, М. Лемнана, Тэйлора, Спенсера, Банкрофта—по мифологіи, Костомарова, Щапова, Забѣлина—по русской исторіи и т. д. При такихъ условіяхъ можно было ожидать отъ г. Порфирьева, если и не талантливаго, то, по крайней мѣрѣ, серьезнаго труда. На первый взглядъ, его книга дѣйствительно можетъ произвести такое впечатлѣніе, такъ-какъ на 43 листахъ плотной печати собрано и систематизировано очень много матеріаловъ, а цитатъ и примѣчаній не меньше, чѣмъ, наприм., у Гумбольдта, Бокля, Вайца. Но стоитъ лишь всмотрѣться нѣсколько поближе — и весь этотъ ученый декорумъ оказывается новѣйшей наклейкой на старый остовъ лекцій, составленныхъ еще въ началѣ профессорской дѣятельности г. Пор-

фирьева и хорошо знакомых лицамъ, имѣвшимъ удовольствіе или неудовольствіе слушать его. Правда, къ этому остоу подшито и подклеено не мало новаго, и неопытный читатель легко ошибется, если приметъ книгу г. Порфирьева за результатъ изученія всѣхъ тѣхъ матеріаловъ и изслѣдованій, которыя въ ней цитируются: эти цитаты, по крайней мѣрѣ на половину, состоятъ просто изъ библиографическихъ указателей изданій, которыхъ авторъ могъ вовсе не читать и слѣдовъ знакомства съ которыми во многихъ случаяхъ вовсе нѣтъ въ его книгѣ. Мало этого: внося въ свои примѣчанія всякую ветошь, г. Порфирьевъ вовсе не упоминаетъ о многихъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ, знакомство съ которыми безусловно обязательно для каждаго пишущаго о народной поэзіи и древне-русской литературѣ. Такъ, напр., называя почему-то представителемъ современнаго эвгемеризма Фюстель-Куланжа (Cité Antique), г. Порфирьевъ ни слова не говоритъ объ „Основаніяхъ соціологіи“ Спенсера, въ которыхъ вопросъ о первобытномъ поклоненіи предкамъ разсмотрѣнъ хотя и односторонне, но съ такимъ талантомъ и съ такой эрудиціей, до которыхъ куда какъ далеко разнымъ Куланжамъ. Указывая для знакомства съ русской мифологіей даже на какія-то статьи въ „Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1865 г. (стр. 27), авторъ не цитируетъ ни одной статьи Щапова; даже по поводу раскола нигдѣ не ссылается на его во всякомъ случаѣ замѣчательныя сочиненія, и во всей книгѣ, въ тысячахъ всевозможныхъ цитатъ, ни разу не упоминается имя талантливаго историка, у котораго, не говоря уже о многихъ выводахъ и обобщеніяхъ, можно найти много чрезвычайно интересныхъ матеріаловъ, напр., изъ рукописей соловецкой библіотеки, которою г. Порфирьевъ и не думалъ пользоваться, хотя она находится у него подъ руками. Въ главѣ о бытовыхъ пѣсняхъ г. Порфирьевъ цитируетъ преимущественно Филонова и, упомянувъ о давно устарѣвшей книжкѣ Костомарова (1843 г.), не указываетъ на позднѣйшую костомаровскую монографію (1872 г.), въ которой, понятно, больше цѣннаго и интереснаго, чѣмъ у Филонова (стр. 129). Игнорируя Костомарова, Щапова, соловецкую библіотеку и вообще болѣе цѣнные матеріалы, г. Порфирьевъ преспокойно довольствуется такой литературной дрянью, какъ исторія русской словесности Шевырева, которая, во время оно, дала главную массу для начинки лекцій казанскаго профессора. Правда, какъ въ углицкой колбасѣ всякая дрянь, такъ и въ книгѣ г. Порфирьева шевыревщина хорошо прокопчена и не очень претитъ, но вѣдь падалъ все-таки останется падалю, какимъ вы соусомъ ее ни облейте. Но и этого мало: г. Порфирьевъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не стѣсняется даже преподносить шевыревщину *au naturel*, безъ

всякаго соуса, и нерѣдко самъ слѣдуетъ способу шевыревской стряпни. Шевыревъ, какъ извѣстно, не только *очищалъ*, но и *исправлялъ* и передѣлывалъ нелѣпѣйшимъ образомъ литературныя произведенія, даже стихотворенія Пушкина; онъ увѣрялъ, напр., что пушкинскіе стихи „Бранной забавы любить нельзя“ слѣдуетъ читать —

Бранной забавы
Любить не я!..

Еще болѣе передѣлокъ совершалъ Шевыревъ въ произведеніяхъ народной поэзіи и древне-русской письменности, и г. Порфирьевъ, нисколько не стѣсняясь, пользуется этими передѣлками, водворяя въ головѣ читателя по-истинѣ шевыревскій сумбуръ. Такъ, напр., онъ поступаетъ съ превосходною былиной о томъ, отчего перевелись богатыри на Руси. Былина рассказываетъ, что богатыри, одержавъ блестящую побѣду надъ басурманской ордой, возмечтали уже, что они всеильны: „подавай намъ силу *нездѣшную*, мы и съ тою силою справимся“. Едва Алеша Поповичъ проговорилъ эти слова, какъ появились два какіе-то витязя. Налетѣлъ на нихъ Алеша и разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало четверо, и живы всѣ! Налетѣлъ потомъ Добрыня Никитичъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало восьмеро, и живы всѣ. Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча,—стало вдвое болѣе, и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть, рубить,
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ,—
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Вились витязи три дня, три часа, три минуточки.
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугалися могучіе витязи,
Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры:
Какъ побѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаменѣть,
Какъ побѣжить другой—и окаменѣть,
Какъ побѣжить третій, такъ и окаменѣть...
Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Въ этой былинѣ, какъ она дошла до насъ, въ грандіозныхъ поэтическихъ образахъ выражена вѣковая борьба Руси съ азіатскими ордами, кончившаяся татарскимъ погромомъ, истребившимъ послѣднихъ богатырей и воителей русской земли. Въ вариантѣ этого сказанія даже прямо говорится, что на богатырскій вызовъ, вмѣсто небесной силы, появились татары: разрубать татарина единого, сдѣлается два татарина; разрубать двухъ татаръ, сдѣлается четыре татарина и т. д. Но приведенное простое, естественное объясненіе показалось Шевыреву недостаточнымъ, и онъ воспользовался тѣмъ вариантомъ былины, въ которомъ сила, вызываемая богатырями на бой, называется не *нездѣшнюю* (что могло обозначать и силу божественную, *небесную*, и силу вражескую, демонскую), а *небесною*. Принимая терминъ *небесный* въ позднѣйшемъ, христіанскомъ смыслѣ, котораго въ былинѣ, несомнѣнно очень древней, могло и не быть, Шевыревъ говоритъ: „Русскій народъ этимъ глубокомысленнымъ преданіемъ объясняетъ себѣ, какъ въ древней его жизни сила тѣлесная, олицетворенная въ витязяхъ, побѣдивъ азіатскія орды, уступила мѣсто силѣ духовной, которая мало-по-малу простерлась во всѣ концы земли русской“. Г. Порфирьевъ (стр. 98—100) и былину приводитъ по шевыревской редакціи, и цитируетъ мнѣніе Шевырева, какъ наиболѣе основательное, стѣсняясь, однакожъ, объяснить читателю, что Шевыревъ видѣлъ всю прелесть упомянутой „духовной силы“, все величіе древне-русской исторіи въ „приниженіи человѣческой личности“. Передѣлка и фальсификація, въ которыхъ упражнялся Шевыревъ, были въ большомъ ходу у прежнихъ педагоговъ, особенно у институтскихъ, которые, напр., давали институткамъ заучивать монологъ пушкинскаго Бориса Годунова, съ исключеніемъ стиха „И мальчики кровавые въ глазахъ“, и употребляли для уроковъ зоологіи колекціи изъ папье-маше, для которыхъ всѣ животныя дѣлались безпопыми. Тому-же методу поддѣлки и фальсификаціи слѣдуетъ и г. Порфирьевъ, очищая и исправляя приводимыя имъ произведенія народной поэзіи и древне-русской письменности. Такъ, излагая былину объ Ильѣ и Соловьѣ-разбойникѣ, онъ не сообщаетъ, что рассказываетъ былина о конфузномъ состояніи Владиміра, который, испугавшись шипа, свиста и рева Соловья-разбойника, даже „окарачь ползаетъ“, а только говоритъ: „князь такъ испугался, что началъ просить Илью унять Соловья“ (стр. 59). Въ былинномъ разсказѣ о томъ, какъ „училъ“ Добрыня свою жену, г. Порфирьевъ учинилъ такое оригинальное очищеніе:

А сталъ Добрыня жену учить...

Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,

Самъ приговариваетъ:

403

Эта мнѣ рука не надобна,
 Трепала она Змѣя Горыныча;
 А второе ученье ноги отсѣкъ:
 А и та-же нога мнѣ не надобна,
 Оплеталася съ Змѣемъ Горынычемъ;
 А третье ей ученье—губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь:
 А и эти губы мнѣ не надобны,
 Цѣловали онъ Змѣя Горыныча;
 Четвертое ученье—голову отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
 А и эта голова не надобна мнѣ,
 И этотъ языкъ ненадобенъ,
 Зналъ онъ дѣла еретическія (стр. 76).

Стихи, набранные у насъ курсивомъ, вовсе исключены изъ бы-
 лины въ изложеніи г. Порфирьева. Былина о Чурилѣ тоже очи-
 щена и совершенно обезцвѣчена тѣмъ, что изъ нея выброшены
 всѣ мѣста, относящіеся къ впечатлѣніямъ, производимымъ Чури-
 лою на женщинъ (стр. 80—81). Въ отдѣлѣ пословицъ исключены
 почти всѣ пословицы грубыя и оскорбительныя для нравствен-
 наго чувства, выражающія ложный, превратный взглядъ на дѣ-
 ла и отношенія людей: *таковы, напр., пословицы о женщинахъ, о*
пьянствѣ (стр. 163). Въ духовномъ стихѣ о нищихъ харак-
 терныя слова: „будутъ они сыты и *пьяны*“ приведены въ ин-
 ститутской передѣлкѣ: „будутъ они сыты и *довольны*“ (стр. 294).
 Въ классическомъ мѣстѣ Домостроя, сдѣлавшемся почти погово-
 ркою, о наказаніи мужемъ жены „плеткою вѣжливенько“, г. Пор-
 фирьевъ выбросилъ слова „сойма рубашку“ (стр. 523). Въ пе-
 репискѣ Іоанна Грознаго сдѣланы тоже подобающія смягченія
 (стр. 547—553). Старинный романъ—„Повѣсть о Саввѣ Грудцы-
 нѣ“ совершенно обезображенъ: вся характерная исторія любви
 Саввы съ женою Божена выброшена и замѣнена пошлою фразою,
 что „Савва загулялъ и вообще жилъ такъ дурно, что попалъ во
 власть дьявола“ (стр. 680). Всѣ эти очищенія и сокращенія силь-
 но роняютъ даже то единственное значеніе, какое имѣетъ книга
 г. Порфирьева,—значеніе хоть сколько-нибудь сносной, обстоятель-
 ной, систематизированной хрестоматіи. Конечно, можетъ быть, въ
 этихъ очищеніяхъ автору помогали и нѣкоторые изъ его ученыхъ
 коллегъ, вродѣ цитировавшагося на оборотѣ заглавной страницы
 профессора Миротворцева, но несомнѣнно, что большая часть под-
 дѣлокъ и подчистокъ учинена самимъ г. Порфирьевымъ; журналистъ-
 же не имѣетъ возможности разузнавать всѣ закулисныя отношенія
 въ тѣхъ омутѣхъ нашей жизни, въ которыхъ „самъ чортъ не
 разберетъ, кто кого деретъ“.

Одна голая шевыревщина, безъ болѣе свѣжихъ прибавленій,

въ настоящее время не годится даже для учебниковъ, и г. Порфирьевъ очень хорошо понимаетъ это, прибѣгая постоянно къ помощи такихъ ученыхъ мужей, какъ Орестъ Миллеръ и покойный Афанасьевъ, талантливыя изслѣдованія котораго, при настоящемъ состояніи науки мифологіи, въ значительной степени устарѣли, между тѣмъ какъ творенія г. Миллера вѣчно будутъ сохранять на себѣ печать младенческой невинности. Но, пользуясь помощію подобныхъ ученыхъ, г. Порфирьевъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей самостоятельности, никакой оригинальности ума, не подчиняется, даже хотя-бы и рабски, однороднымъ авторитетамъ, а пасуетъ передъ ними и только указываетъ читателямъ, что о данномъ предметѣ одни ученые думаютъ вотъ что, а другіе полагаютъ такъ-то. Отъ этого во многихъ мѣстахъ книги, особенно въ отдѣлѣ о народной поэзіи, господствуетъ страшный сумбуръ самыхъ противоположныхъ мнѣній. Такъ, напр., сказавъ, на основаніи буслаевского авторитета, что личность богатыря Святогора имѣетъ несомнѣнное родство съ *горам*, г. Порфирьевъ тотчасъ-же прибавляетъ, что, по мнѣнію другихъ ученыхъ (Афанасьева и Миллера), Святогора нужно считать олицетвореніемъ не горы, а *тури* (стр. 51). Илью Муромца можно считать и представителемъ дѣйствительнаго богатырства, и олицетвореніемъ *Перуна*, какъ думаютъ Афанасьевъ и Миллеръ (стр. 62—64). „Въ Георгіи храбромъ народъ представилъ вообще типъ тѣхъ духовныхъ богатырей, которые просвѣщали дикія племена Руси, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви, монастыри“, но *можно думать* и иначе, какъ Афанасьевъ, что „весь этотъ послѣдовательный рядъ картинъ, всѣ эти подвиги не болѣе, какъ поэтическія изображенія борьбы весенняго Перуна съ темными тучами“ (стр. 30). Только въ рѣдкихъ случаяхъ г. Порфирьевъ смѣло и опредѣленно высказываетъ свои мнѣнія или рѣзко противопоставляетъ одному авторитету другой, болѣе ему сочувственный. Такъ, по поводу изслѣдованій Тэйлора, г. Порфирьевъ замѣчаетъ, что „состояніе дикости не можетъ быть принято за образецъ нормальнаго, первобытнаго состоянія человѣчества“, что люди одичали не въ первый, а въ одинъ изъ послѣдующихъ періодовъ своего развитія, и при этомъ ссылается на книгу архимандрита Хрисанфа (стр. 27). Не менѣе странны представленія г. Порфирьева объ эпохѣ возрожденія, которая будто-бы „привела Италію къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ“, даже „въ наукѣ“ (стр. 482). Г. Порфирьевъ увѣряетъ даже, что итальянцы въ эту эпоху пали нравственно въ томъ или другомъ смыслѣ, начали вѣрить въ языческихъ боговъ и въ то-же время „отвергать будущую жизнь и смѣяться надъ религіей“ (стр. 483—484). Подобныхъ странностей, неопре-

дѣленныхъ, сбивчивыхъ представлений, неточностей, ошибокъ въ книгѣ г. Порфирьева очень много. Такъ, напр., онъ относитъ къ славянамъ *румыновъ*, говоря даже, что у нихъ сохранилась въ употребленіи славянская азбука (стр. 177—178)! Богами у него являются сначала не фетиши, а личные боги стихій (стр. 3). Въ святочномъ обычаѣ переряживанія онъ видитъ, да еще „не безъ основанія“, изображеніе того ненормальнаго (!) или превращеннаго состоянія природы, въ какомъ она находится во время зимы“ (стр. 32). Будучи, какъ по всему видно, очень плохо знакомъ съ общей исторіей культуры и сбитый съ толку условной терминологіей Нестора, г. Порфирьевъ говоритъ, что „первоначально у славянъ браковъ не было“, и тотчасъ-же начинаетъ говорить о бракахъ посредствомъ умыканія, безъ всякихъ основаній утверждая, что, „рядомъ съ умыканіемъ, *отъ самыхъ первыхъ временъ* существовалъ обычай покупать невѣсть“. Въ довершеніе этого сумбура, авторъ говоритъ, что покупка невѣсть замѣнялась потомъ „брачнымъ договоромъ“, не дѣлая даже намека, что за штука этотъ брачный договоръ и чѣмъ онъ отличается отъ покупки, [которая тоже договоръ (стр. 131—133)]. Значеніе договоровъ и заклатій г. Порфирьевъ нисколько не выяснилъ и даже не упомянулъ о такъ-называемомъ законѣ *перезиванія*, въ силу котораго заговоры, заклатія, пожеланія, обычаи приличія и обхожденія продолжаютъ существовать въ жизни послѣ того, какъ они давно уже потеряли не только свой первоначальный, но часто даже всякій смыслъ (стр. 164 — 166). „Основой всѣхъ (мифическихъ) сказаній о змѣѣ“ г. Порфирьевъ считаетъ „библейское сказаніе“ (стр. 79)... Всѣ эти туманности, неточности, ошибки усиливаются еще тяжелымъ, сбивчивымъ изложеніемъ. Сказавъ, напр., что ересь жидовствующихъ распространялась „не въ простомъ народѣ, а между людьми книжными и болѣе или менѣе образованными“, г. Порфирьевъ на слѣдующей-же страницѣ крайній отрицательный характеръ ереси объясняетъ тѣмъ, что такъ всегда бываетъ въ необразованныхъ массахъ“ (стр. 454—455)!.. Прелестно также мнѣніе, что „если народная словесность остается удѣломъ только простого народа, то естественно подвергается искаженію“ (стр. 8), и, прибавимъ отъ себя, только професорскій подлогъ Шевыревыхъ способенъ очистить и возродить ее отъ той гибели, какой она подвергается у „простого народа“, ее создававшего и сохранивавшего въ продолженіи многихъ вѣковъ.

Хорошо одно, что г. Порфирьевъ не рѣшается доходить до чего-нибудь своимъ умомъ, и, ссылаясь на разные авторитеты, главнымъ образомъ излагаетъ и систематизируетъ произведенія словесности. На безлюдь и ракъ рыба, и, за неимѣніемъ лучшей, книга его

до известной степени даже полезна, только не для учащихся. Собранными въ ней матеріалами, съ восстановленіемъ сокращенныхъ и подчищенныхъ мѣстъ и съ нѣкоторыми дополненіями, можно воспользоваться для журнальнаго очерка народной словесности и древне-русской письменности, о которыхъ Галаховы, Порфирьевы и т. д., не говоря уже о разныхъ Филоновыхъ, Евстафьевыхъ и Полевыхъ, пишутъ такъ, что читателю приходится напрягать всѣ усилія, чтобы не заснуть на первыхъ-же страницахъ.

Какъ ни скудны, какъ ни отрывочны дошедшіе до насъ остатки древнѣйшей русской жизни и поэзіи, но, при помощи сравнительнаго метода, по нимъ вполне возможно восстановить общую картину русскаго быта до основанія государственнаго союза и распространенія христіанства. Человѣкъ той эпохи оживотворялъ въ своемъ представленіи всѣ предметы и явленія природы, и къ нему вполне приложимы слова: „съ природой одною онъ жизнью дышалъ, ручья разумѣлъ лепетанье; и говоръ древесныхъ листьевъ понималъ, и чувствовалъ травъ прозябанье“. Онъ жилъ съ природой, можно сказать, въ тѣсномъ семейномъ союзѣ, во главѣ котораго стояли отецъ—небо, мать—сыра-земля, солнце красное, мѣсяцъ ясный, море синее, веселый Дунай и т. д. Съ этими стихійными божествами смѣшивались тѣни предковъ,—дѣды, жившіе въ домахъ, въ водахъ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ,—*дядушка домовый, водяные, тѣни, русалки* и т. д. Жизнь этой міровой семьи замирала каждый годъ на нѣсколько мѣсяцевъ, когда свирѣпствовала зима, и снова начинала теплѣть, зеленѣть, цвѣсти, шумѣть и волноваться съ поворотомъ солнца на лѣто. Наступали *святки* съ веселыми пирами, играми, пѣснями и гаданьемъ. „Созерцая, говоритъ Забѣлинъ,—въ солнечномъ поворотѣ явственное воскресеніе Божьяго свѣта или воскресеніе природы отъ зимняго мрачнаго сна и вмѣстѣ съ тѣмъ понимая весь видимый міръ живымъ существомъ, язычникъ, по естественной связи этихъ возрѣній, долженъ былъ мыслить живое и объ умершемъ мірѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что и посреди умершихъ въ это время совершается такой-же возвратъ къ свѣту и жизни, что и умершіе точно также празднуютъ общее торжество живыхъ. Вотъ по какой причинѣ святочные ночи въ воображеніи язычника населялись незримыми духами, торжествовавшими свое пробужденіе. Это была нежить, которая, по народнымъ представленіямъ, своего обличья не имѣетъ и потому ходитъ въ личинахъ. Очевидно, что ряженъ во время святокъ служило олицетвореніемъ неживущаго міра, который,—подъ видомъ различныхъ оборотней, женщинъ переодѣтыхъ въ мужчинъ, и

мужчинъ переодѣтыхъ въ женщинъ, особенно страшилищъ въ шкурахъ звѣрей, медвѣдей, волковъ и т. п.,—являлся въ среду живыхъ и, ходя толпою по улицамъ, совершалъ свою законную вакханалію — русалю, воспѣвая пѣсни, творя безчинный говоръ, плясаніе, скаканіе. Довольно ясное указаніе на такое пониманіе оборотней находимъ и въ старой письменности, которая къ тому-же относитъ эти языческія представленія въ область чарованія и гаданія. Она упоминаетъ о двѣнадцати опрометныхъ лицахъ звѣриныхъ и птичьихъ, „се есть первое: тѣло свое хранитъ мертво и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ; рыщетъ лютымъ звѣремъ и вопремъ дикимъ, волкомъ, летаетъ зміемъ, рыщетъ рысію и медвѣдемъ“ („Исторія русской жизни“, II, 312—313). Въ глазахъ нашихъ предковъ, весною оживала вся природа, и міръ растений въ ихъ умѣ ничѣмъ существеннымъ не отличался отъ животныхъ, какъ это можно видѣть даже изъ описаній *травниковъ* позднѣйшаго времени: „трава *ревяка* по утреннимъ и вечернимъ зарямъ стонетъ и реветъ, а кинешь ее на воду, дугой противъ воды пойдетъ. И сорванная, она реветъ. Трава *зимарь* очень бѣла, сорви ее и брось на воду, то она противъ воды поплыветъ. Трава *киноворотъ*, хотя какая буря, она кланяется на востокъ всѣми стволами вдругъ, хотя и вѣтру нѣтъ“ (id., 276). Выше всѣхъ этихъ растений считались дары матери-земли, *дары божіи*—хлѣбъ-соль, слѣды первобытнаго поклоненія которымъ сохранились въ обрядахъ и пѣсняхъ до новѣйшаго времени, напр., въ святочной: „Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ, слава“, или:

Свѣти, свѣти мѣсяцъ
Нашему короваю,
Проглянь, проглянь солнце
Нашему короваю! и т. д.

Древній славянскій культъ имѣлъ тѣсную связь съ хлѣбопашествомъ, и свой идеаль свободнаго земледѣльца народъ олицетворилъ въ свѣтломъ образѣ Миколы: „Оретъ въ полѣ оратай, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ; въ край онъ уѣдетъ—другого не видать; каменья, коренья вывертываетъ, а великіе-то всѣ каменья въ борозду валить. Кобыла у ратая соловая, сошка у ратая—кленовая, гужики у ратая—шелковые“. Цѣлая дружина богатырей не можетъ даже приподнять его сохи. На вопросъ богатырей: кто онъ такой?—ратай отвѣчаетъ:

„Я ржи напашу да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
Драни надеру да пива наварю,

Пива наварю да мужичковъ напою,
Ставуть мужички меня покликивати:

Молодой Микулушка Селяниновичъ!“ (Порфирьевъ, стр. 54).

Въ другихъ вариантахъ „сошка“ Микулы называется золотою, а въ христіанской метаморфозѣ этого мифическаго образа у крестыанъ Галиціи дѣло представляется въ такомъ видѣ:

Ой, въ полѣ, въ полѣ, въ чистомъ полѣ
Тамъ оретъ золотой плужекъ;
А за тѣмъ плужкомъ ходить самъ Господь,
Ему погоняетъ да святой Петръ,
Матерь Божія сѣмена носить,
Сѣмена носить, пана-Бога просить:
Зароди, боженька, яру пшеничку,
Яру пшеничку и ярое жито;
Будуть тамъ стебли—самыя трости,
Будуть колоски, какъ былинки,
Будуть копны (часты), какъ звѣзды,
Будуть стоги, какъ горы,
Соберутся возы, какъ черныя тучи... (Забѣлинь, II, 311).

Съ распространеніемъ христіанства популярность мифическаго Микулы перешла на чудотворца Николая. Въ новгородской губерніи имя Микулы до сихъ поръ упоминается въ народныхъ обрядахъ при уборкѣ хлѣба, и онъ былъ, по всей вѣроятности, олицетвореніемъ и земледѣльческаго быта, и того божества, которое въ болѣе древнюю эпоху наголодовавшіеся за зиму люди *кликали* съ наступленіемъ весны:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ,
Пить-ѣсть просятъ!

Весна и лѣто приносили съ собою тепло, хлѣбъ, хмѣль, волшебныя травы, и народная жизнь раздѣлялась между земледѣльческими трудами и соединенными съ ними религіозными празднествами, молитвами, жертвоприношеніями, воспоминаніе о которыхъ до сихъ поръ сохраняется въ *колядкахъ*: „За рѣкою за быстрою лѣса стоятъ дремучіе, въ тѣхъ лѣсахъ огни горять, огни горять великіе; вокругъ огней скамьи стоятъ, скамьи стоятъ дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, красны дѣвицы поютъ пѣсни Колядушкѣ. Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ, онъ точитъ свой булатный ножъ; котелъ кипитъ горючій, возлѣ котла козель стоитъ, хотять козла зарѣзати“ (Порф., 29). Вмѣстѣ съ тѣмъ эти весеннія празднества были игрищами любви. Весна дѣйствуетъ возбуждительно, все чувствуетъ въ себѣ новый притокъ силы, даже щеп-

ка, какъ говорить народная пословица, не говоря уже о птицахъ и другихъ животныхъ, для которыхъ это время въ полномъ смыслѣ—„пора любви“. Новѣйшія наблюденія (см., напр.; D. Zuchtwahl bei den Menschen in Urzeit, „Zeitschrift für Ethnologie“, 1876, II) показываютъ, что народные танцы и игрища ведутъ свое начало именно отъ такихъ-же первобытныхъ сходбищъ, формы которыхъ *пережили* до нашего времени въ обрядовой сторонѣ весеннихъ игрищъ и въ пѣсняхъ. У нѣкоторыхъ племенъ папуасовъ и дикарей Америки эти игрища до сихъ поръ носятъ свой первобытный, вполне животный характеръ, ясные слѣды котораго такъ хорошо сохранились, напримѣръ, въ *канканъ*, заимствованномъ изъ Австраліи, и въ танцѣ *козелъ*, сохранившемся до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Сибири. Въ пѣсняхъ, сопровождающихъ празднества Иванова дня, Ярилы, Костромы и т. д., до сихъ поръ тоже сохраняется память объ этихъ весеннихъ игрищахъ любви, пробудившейся вмѣстѣ съ воскресеніемъ природы. „Померъ, нашъ батюшка, померъ, говоритъ о немъ пѣсня, — померъ, родимый нашъ, померъ; лежитъ во гробочкѣ, во желтомъ песочкѣ. Приходили къ батюшкѣ четыре старушки, приносили батюшкѣ четыре ватрушки: „батюшка, встань, вздынься, родимый нашъ, встань! Нѣтъ ни отвѣту, нѣтъ ни привѣту, лежитъ во гробочкѣ, во желтомъ песочкѣ. Померъ нашъ батюшка, померъ!“ Такъ-же безуспѣшно будили Ярилу четыре молодки, принесшія ему четыре селедки; когда-же „приходили къ батюшкѣ четыре дѣвченки, приносили батюшкѣ четыре печенки“, то Ярила оживалъ. Въ хороводныхъ пѣсняхъ и играхъ до сихъ поръ сохраняются пережившіе остатки этихъ сходбищъ, когда оба пола, раздѣленные на двѣ группы, сходились между собой, выкликая *дѣда Лада* („Ой, мы просо сѣяли“, „Боаре, вы зачѣмъ пришли“ и т. д.); когда дѣвицы, приглашая молодца, пѣли: „Мы тебя, молодчикъ, поцѣлуемъ, подъ ракитовымъ кусточкомъ побалуемъ“; когда дѣвушка въ „вѣнчкѣ-зеленчкѣ“, встрѣтивъ челоуѣка по душѣ, говорила ему: „добрый молодчикъ, будь моимъ ладой“ и т. д. „Тутъ, говоритъ христіанскій обличитель этихъ игрищъ, — стучать въ бубны, и гласъ сопѣлій, и гудуть струны, женамъ-же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ кличъ и вопль, всескверныя пѣсни и хребтамъ ихъ вихляніе, тутъ-же мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе и паденіе, и женамъ, и мужамъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе“; тутъ, по выраженію лѣтописи, мужчины „познавали, которая жена или дѣвица къ юношамъ похотѣніе имать, и плотію съ сердцемъ разжегшися, слагахуся“. Обряды этихъ игрищъ употреблялись даже во время Разина, при тѣхъ нецерковныхъ бра-

кахъ, о которыхъ позднѣйшая поговорка гласить: „вѣнчали во-
кругъ ели, а черти пѣли“, и при которыхъ, по выраженію пѣсни,
молодые люди обоего пола соединялись—

Безъ вѣнчанья, безъ попа,
Вкругъ зеленого ракитова куста.

На этихъ-же игрищахъ совершались и тѣ умыканія, о кото-
рыхъ такъ много говорится даже въ свадебныхъ пѣсняхъ новѣй-
шаго времени. Во всемъ этомъ культъ любви, весны, хлѣба и
хмѣля не было того въ высшей степени мрачнаго характера, ка-
кой развился въ міросозерцаніи и поэзиі народа въ болѣе позднія
эпохи. Народъ богатырь шелъ бодро на борьбу съ природой,
„золотая сошка“ Микулы Селяниновича оплодотворяла мать-сыру
землю, и бодрое, свѣтлое настроеніе той эпохи прорывается из-
рѣдка даже въ позднѣйшихъ пѣсняхъ:

Мы и пѣть будемъ, и играть будемъ,
А какъ смерть придетъ, умирать будемъ.

Конечно, и тогда уже было свое *горе-злосчастіе*, и тогда была
народная *страда*, и тогда рыскалъ, демонъ, „искій кого поглотити“,
но народъ не падалъ духомъ и бодро шелъ впередъ, чув-
ствуя такой-же избытокъ юношескихъ силъ, какъ его мифическій
герой Святогоръ, у котораго „сила-то по жилочкамъ такъ живчи-
комъ и переливается, грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго
бремени. Вотъ и говоритъ Святогоръ: кабы я тягу нашель, такъ я-
бы всю землю поднялъ и смѣшалъ-бы земныхъ со небесными!“

Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялочку, пощупаетъ сумочку—она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее—не сворохнется,
Хватить съ коня рукою—не подымется...
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднял сумочку повыше колѣнъ—
И по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе“. (Порф., 50--51).

Святогоръ—олицетвореніе стихійныхъ силъ, и онъ совершенно
пасуетъ передъ олицетвореніемъ крестьянства, Микулой, который,

по былинѣ, именно и нашелъ ту „тягу земную“, надъ поднятіемъ которой погибъ Святогоръ. Но Микулѣ предстояло еще много труда, чтобы заселить и обстроить обширную, почти совершенно дикую страну; память объ этомъ великомъ „строительствѣ земли русской“ дошла до насъ въ позднѣйшей, искаженной формѣ духовнаго стиха о Георгіи-храбромъ, въ которой, однакожъ, ясно сохранены слѣды древняго мифа. Егорій „наѣзжалъ на лѣса дремучіе: лѣса съ лѣсами совивалися, вѣтви по землѣ разстилалися; ни пройти Егорью, ни проѣхати. Святой Егорій глаголетъ: „вы, лѣсы, лѣсы дремучіе! Встаньте и распатнитесь, распатнитесь, раскачнитесь; порублю изъ васъ церкви соборныя, соборныя да богомольныя, въ васъ будетъ служба Господняя. Зароститесь вы, лѣса, по всей землѣ свѣтло-русской, по крутымъ горамъ, по высокімъ“. По Божьему все велѣнію, по Егоріеву все моленію разрослись лѣса по всей землѣ, по всей землѣ свѣтло-русской, растутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ“. Проѣзжая далѣе, Георгій встрѣтилъ „*рѣки быстрыя, текуція*“ и велѣлъ имъ размѣститься по всей землѣ русской. Послѣ рѣкъ онъ наѣхалъ на „*горы толкучія*“: гора съ горой столкнулися, ни пройти Егорью, ни проѣхати. Георгій сказалъ имъ: „станьте вы, горы, по старому: поставлю на васъ церковь соборную, въ васъ будетъ служба Господняя“. Затѣмъ ему встрѣтилось стадо звѣриное: наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное, на сѣрыхъ волковъ, на рысучіихъ. И пастыть стадо три пастыря, три пастыря, да три дѣвицы, Егорьевы родныя сестрицы. На нихъ тѣло, яко еловая кора, власъ на нихъ, какъ ковыль-трава; ни пройти Егорью, ни проѣхати. Егорій святой проглагольвалъ: „вы, волки, волки рысучіе! Разойдитесь, разбредитесь, по два, по три, по одному, по глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ, а ходите вы повременно, пейте вы, ѣшьте повелѣнное, отъ свята Егорья благословенное!“ (стр. 305—306). Въ народныхъ легендахъ, попавшихъ и въ лѣтопись,—о вѣщемъ Олегѣ, о мудрой Ольгѣ, бывшей сначала *перевозицей* въ Исковѣ, о кievскомъ *перевозицѣ* Аскольдѣ,—мы имѣемъ остатки того-же древняго эпоса о строителяхъ земли, давно уже торговавшей по великому водному пути „изъ варягъ въ греки“, по которому двигались товары на судахъ, сплавлявшихся прибрежными жителями, самими купцами и сопровождавшими ихъ конвоями. О томъ-же проложеніи торговыхъ путей рассказываетъ былина объ Ильѣ-Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ, который „сидитъ на семи дубахъ, захватываетъ на семи верстахъ“, не давая прохода ни пѣшему, ни конному. Съ развитіемъ промышленности, торговли, городской жизни возникла неизбежная потребность охранять и защищать страну отъ дикихъ ордъ, то-и-дѣло набѣгавшихъ на нее въ лицѣ разныхъ половцевъ,

печенѣговъ, берендѣевъ, этого *идолица поганого* былинь, которое за-разъ „по семи ведръ пива пьетъ, по семи пудъ хлѣба кушаетъ“. Борьба съ этимъ идолицемъ служить главнымъ предметомъ дѣятельности оберегателей земли, былинныхъ богатырей, среди которыхъ мы видимъ витязей изъ крестьянъ, какъ Илью, — изъ поповичей, какъ Алешу, изъ купцовъ, даже изъ иностранцевъ. Эти богатыри составляли большею частію дружины, набравшіяся князьями и другими предпринимателями, какъ говорится о Волхѣ Всеславьевичѣ: „А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ; сталъ себѣ Волхъ онъ дружину собирать... Волхъ поилъ-кормилъ дружину хоробрую, обуваль-одѣваль добрыхъ молодцевъ“. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что былины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, возникли уже послѣ покоренія Руси монголами, развились на сѣверѣ, несятъ на себѣ несомнѣнные слѣды сильнаго вліянія византизма и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно искажаютъ характеръ древняго богатырскаго эпоса, сохранившагося отрывками въ народныхъ легендахъ о Святославѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Олегѣ, попавшихъ въ лѣтопись, и въ „Словѣ о полку Игоря“, на что историки, вродѣ г. Порфирьева, обыкновенно не обращаютъ вниманія. Въ упомянутыхъ легендахъ вожь дружины, князь, представляется полудикимъ воиномъ, отважнымъ, предприимчивымъ, который рыскаетъ, какъ барсъ, по выраженію лѣтописца, и даже питается въ походѣ сырымъ мясомъ, какъ Святославъ. Князь-же былинь, Владиміръ-красно-солнышко, — это изнѣженный византійскій царь, который только то и дѣлаетъ, что пируетъ дома, „по свѣтлой горницѣ похаживаетъ да шелковые кудри разглаживаетъ“, труситъ при малѣйшей опасности, плачетъ какъ ребенокъ, даже „окарачь ползаетъ“ со страха. Понятно, что богатыри не оказываютъ подобному вождю того уваженія, какимъ несомнѣнно пользовались Святославы, и разсердившійся на Владимира Илья-Муромецъ кричитъ ему:

„На хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть!

Не хочу я у васъ воеводой жить!“

Онъ вымалъ свою плетку шелковую

О семи хвостахъ да со проволкой,

Еще взялъ онъ плеткой да помахивать,

Еще взялъ гостей да поколачивать.

Еще бьетъ онъ, самъ приговариваетъ:

„На пріѣздѣ гостя не употчивали,

А на поѣздкахъ да не учествовали!

Эта мнѣ вѣща честь—не въ честь“.

Еще онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,

До наслѣдья прибилъ до единого,
Не оставилъ никого да на сѣмена. (стр. 69).

Послѣ одной изъ подобныхъ ссоръ Ильѣ согласился примириться съ княземъ только подѣ тѣмъ условіемъ, если Владиміръ „разошлетъ строгіе указы по Кіеву и по Чернигову, чтобы на трое сутокъ отворены были всѣ кабаки и пивоварни, чтобы весь народъ пилъ зелено-вино“. Михайло Потокъ относительно награды за свои подвиги тоже говорить:

„А не надоть сель со приселками,
Городовъ не надоть съ пригородами,
И не надоть золотой казны несчетныя:
Хоть меня чѣмъ пожалуй, я все прошю.
Лучше дай мнѣ указъ за печатью:
Ходить Михайлу по царевымъ кабакамъ
И по всѣмъ кружаламъ государевымъ
И пить зелено-вино безденежно“. (стр. 97).

Нѣкоторыя черты тутъ, напр., „царевъ кабаекъ“ взяты изъ позднѣйшей жизни, но этотъ разгулъ носить болѣе веселый характеръ, чѣмъ народное пьянство позднѣйшихъ временъ. Былинное воззрѣніе на жизнь не имѣетъ въ себѣ ничего печальнаго, аскетическаго, и въ былинномъ бытѣ уже видно ясно вліяніе западной культуры, проникавшее къ намъ до монгольскаго програма. Былинныя женщины равноправны съ мужчинами; между ними есть даже богатырши-воительницы, а между героями былинъ мы видимъ такихъ щеголей, волокитъ и джентльменовъ своего времени, какъ Чурила Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ, Соловей Будиміровичъ. Подобную-же культуру видимъ и въ новгородскихъ былинахъ, дошедшихъ до насъ въ гораздо болѣе оригинальномъ видѣ, чѣмъ кіевскія. Какъ пахарь Микула жилъ и богатѣлъ *золотою сошкою*, такъ и господинъ Великій Новгородъ росъ и благоденствовалъ *золотою рыбкою* и торговлею. Купецъ Садко, отправляясь съ Волги въ Новгородъ, приноситъ рѣкѣ въ жертву ломоть хлѣба съ солью и говоритъ: „А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка, а гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ, никакой я, скорби не видывалъ надъ собой, и въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ, а иду я молодецъ въ Новгородъ побывать“. Проговорить ему matka Волга рѣка: „А и гой еси, удалой доброй молодецъ! Когда придеши ты въ Новгородъ, а стань ты подѣ башню проѣзжую, поклонися отъ меня брату моему, а славному озеру Ильмену“. (стр. 86). Ильмень сразу обогатилъ Садко: пойманною рыбкою онъ набилъ три погреба, и когда черезъ три дня пошелъ осматривать ихъ, то въ одномъ, вмѣсто мелкой рыбы, оказались мелкія деньги, въ другомъ, вмѣсто красной рыбы—червонцы, въ треть-

емъ — вмѣсто крупной бѣлой рыбы — крупныя монеты. Разбогатѣлъ Садко страшно. По другой былинѣ, Садко былъ бѣдный новгородецъ, ходившій по богатымъ пирамъ играть на гусляхъ. Однажды Садко долго не приглашали на пиры, и артистъ сталъ ходить на Ильмень, садился на бѣлы горюч камень и игралъ въ гуселки звончаты. Явился ему морской царь Водяникъ и сказалъ: „Ай-же ты, Садко новгородскій! Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать за твои утѣхи за великія, за твою игру нѣжную: аль безсчетной золотой казной? А не то ступай въ Новгородъ и ударь о великъ закладъ, заложивъ свою буйну голову, и выражай съ прочихъ купцовъ лавки товара краснаго, и споръ, что въ Ильмень-озерѣ есть рыба—золоты перья. Какъ ударишь о великъ закладъ, и приѣзжай ловить въ Ильмень-озеро: дамъ три *рыбины—золоты перья*. Тогда ты, Садко, счастливъ будешь“ (87—88). Садко такъ и сдѣлалъ, и золотой рыбы поймалъ, и выигралъ пари—три лавки товару краснаго; „сталъ Садко поторговывать, сталъ получать барыши великіе“. „Нагрузилъ Садко своими товарами тридцать кораблей и поѣхалъ по Волхову, со Волхова во Ладожско, а со Ладожска во Неву рѣку, а со Невы рѣки во сине-море, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки - сороковки красна золота—чисто серебра, поѣзжалъ назадъ во Новгородъ“. Застигла его страшная буря. „Видно, сказалъ онъ дружинѣ,—царь морской отъ насъ жертвы требуетъ“. Бросили въ море бочку серебра, потомъ — бочку золота, а буря все не утихаетъ. „Видно, говоритъ Садко,—морской царь живой головы требуетъ“. Бросили жребій—выпалъ на Садко, и онъ началъ готовиться къ смерти, но совершенно не такъ какъ обыкновенно готовились русскіе люди XVI или XVII вѣка. Садко распредѣлил свое имущество и потребовалъ себѣ гусли: „Поиграть-ка мнѣ во остатное; больше мнѣ въ гусельки не играть. Али мнѣ взять гусли во сине море?“ И онъ съ своими гуслями пустился въ море на дубовой доскѣ и скоро очутился въ палатахъ морского царя, который тотчасъ же заставилъ его играть. Садко игралъ трои сутки, а морской богъ все это время отплясывалъ тресака, да такъ, что

„Во синемъ морѣ вода всколебалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣнниковъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ,
Какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому“.

О томъ-же свѣтломъ, бодромъ настроеніи жизни свидѣлствуютъ и былинныя пиры, братчины, и отчасти даже самодурныя озорничества Васьки Буслаева, который еще въ ранней молодости

уже „шутить шутки не маленькія: кого возьметъ за руку, у того рука прочь, кого за ногу—у того нога прочь, кого хватить за голову—головой вертитъ будто пуговицей“. Выросши, онъ набралъ изъ подобныхъ-же себѣ молодцовъ дружину, которая на волховскомъ мосту затѣяла побоище „со всѣми мужиками новгородскими“. Мужики уже начали одолевать, когда прибѣжалъ Васька съ желѣзной осью, — „становилъ дружину въ сторону, а самъ началъ по мужикамъ похаживать и началъ мужичковъ пощелкивать, осью желѣзною помахивать: махнетъ Васильюшка — улица, отмахнетъ назадъ—промежучочекъ, а впередъ просунетъ—переулочекъ“ (стр. 92). Чтобы унять это „чадо милое“, мать его посоветовала гражданамъ обратиться за помощью къ духовной власти, которая такъ часто своимъ вмѣшательствомъ старалась прекратить подобныя междоусобицы. И вотъ на волховскій мостъ идетъ въ своихъ священныхъ доспѣхахъ васькинъ „крестный батюшка, Старчище-пилигримище, — на буйной головѣ колоколъ пудовъ во тысячу, во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ“. На увѣщанія крестнаго батюшки Васька отвѣчалъ:

„А у насъ-то вѣдь дѣло дѣлается:
Головами, батюшко, играемся“.
И здынулъ шалыгу девяноста пудъ,
Какъ хлеснулъ своего батюшку въ буйну голову,
Такъ разсыпался колоколъ на ножевыя черенья;
Стоитъ крестный—не кренится,
Желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшкѣ противъ очей его
И хлеснулъ-то крестнаго батюшку
Въ буйну голову промежъ ясны очи:
И выскочили ясны очи, какъ пивны чаши“ (стр. 93).

Только подъ конецъ жизни Васька стихаетъ и ѣдетъ молиться въ Іерусалимъ: „съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо и душу спасти“. Это черта уже позднѣйшаго происхожденія, какъ легендарное постриженіе въ монахи Ильи Муромца „Старчище-пилигримище“ окончательно смирилъ богатырей уже послѣ татарскаго ига, изображеніемъ котораго завершается русскій народный эпосъ —

„Зачѣмъ мать сыра-земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было коничаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго.
А отъ духа татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть“ (стр. 101).

Въ началѣ статьи мы уже приводили былину о томъ, какъ послѣдніе богатыри погибли въ татарское нашествіе. Затѣмъ настала московская централизація, поддерживаемая византизмомъ, и народная поэзія, подъ вліяніемъ ихъ, приняла совершенно другой оборотъ, чѣмъ прежде, на что не обращаютъ обыкновенно вниманія „ученые“ вродѣ г. Порфирьева.

Г. Порфирьевъ, относящійся съ примѣрною сыновнею нѣжностью къ древне-русской письменности, называетъ ее „наслѣдницей древняго греко-римскаго образованія“ (стр. 181). Онъ не только въ Византіи (стр. 183), но и въ московскомъ царствѣ открываетъ такое множество „ученыхъ“ и „образованныхъ“ писателей, что его, наконецъ, беретъ нѣкоторое сомнѣніе: „*едва-ли всегда можно принимать въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ*“ тѣ атестаціи, какія щедро раздаются старинными книжниками представителямъ древне-русской письменности: „*это премудръ, вельми ученъ, вельми книженъ, учителенъ, философъ велий*“ (стр. 186). Но г. Порфирьевъ, кажется, сомнѣвается только въ учености не сановныхъ книжниковъ древней Руси (с. 289), а сановныхъ атестуетъ обыкновенно такъ: „*весьма просвѣщенный человѣкъ*“, „*серьезный ученый*“, „*обширныя свѣденія въ наукѣ*“ и т. д. (стр. 435, 626 и др.). Что-же касается византійской образованности, то г. Порфирьевъ ставитъ ее такъ высоко, что, по его мнѣнію, древне-русскіе переводы греческихъ quasi-научныхъ сочиненій „для большинства были *слишкомъ высоки* и неудобовразумительны“ (стр. 412). Между тѣмъ Византія въ сущности была раззолоченнымъ гробомъ, въ которомъ лежали останки греческой цивилизаціи, какъ мумія, не имѣя почти никакого вліянія на умственную и общественную жизнь. Да и эта священная мумія, эти древнія рукописи, послѣ взятія Византіи турками, были вывезены на Западъ и легли тамъ въ основу возрожденія наукъ, отчего, впрочемъ, Византія ничего не потеряла, потому что она, за исключеніемъ немногихъ личностей, не пользовалась этими рукописями, даже не читала ихъ. „Самый характеръ византійской образованности, говоритъ г. Лавровскій,—не заслуживалъ подражанія; творческій духъ грековъ ослабѣвалъ постепенно и, истинно-христіанское начало стѣснялось односторонней догмой. Наука не имѣла жизненности, внутренней силы, свѣжести, не обращалась въ жизнь и сама не питалась жизнью; облеченная въ отвлеченныя сухія формы, она существовала отдѣльно, почти не касаясь живыхъ современныхъ интересовъ общества. Утонченная діалектика въ области тео-

логи, искусственные и пустые умозрѣнія въ философіи, декламация вмѣсто истиннаго краснорѣчія—вотъ что болѣе всего составляло ученыхъ занятія византійскихъ грековъ, но, конечно, не науку въ ея истинномъ значеніи“. Идеи Архимеда, Эвклида, Птолемея, развитыя дальше Коперниками, Галилеями, Бэконами, въ Византіи не только не развивались, но были даже совершенно забыты. Византійцы потеряли даже вкусъ къ изящному, забыли Гомеровъ и Софокловъ, и величавыя созданія древне-греческой поэзіи замѣнились пустымъ, бездарнымъ виршенлетствомъ, театр—зрѣлищами цирка, древніе вдохновенные пѣвцы—церковными пѣвчими. Парадный царскій обѣдъ, напр., сопровождался слѣдующими увеселеніями. Два хора пѣвчихъ пѣли гимнъ. Потомъ плясуны, воспѣвая многолѣтіе, трижды обходили столъ. Затѣмъ воспѣвался гимнъ, приличный пляскѣ: „Сіяютъ цари, веселится міръ! Сіяютъ царицы, веселится міръ! Сіяютъ порфирородныя дѣти, веселится міръ! Торжествуетъ синклитъ и вся палата, веселится міръ! Торжествуетъ городъ и вся Романія (Византія), веселится міръ! Августы—наше богатство и наша радость! Господи, пошли имъ долгія лѣта!“ и т. д.

Древнія греческія рукописи, которыми воспользовался Западъ, вовсе были неизвѣстны въ Россіи, и русскіе книжники считали нечестивою самую греческую азбуку, предпочитая ей не только русскую, но даже пермяцкую. „По многа лѣта, говорится въ одномъ сборникѣ XVII в.,—мнози философи едва собрали суть азбуку греческую, словъ числомъ 38. Коль много лѣтъ мнози философи элинстїи собирали и составляли грамоту греческую и едва составили многими труды и многими времены, едва сложили ее семь философовъ, едва азбуку составляли. Тѣмъ много русская грамота честнѣйша есть паче элинскія, понеже святъ мужъ сотворилъ ю есть, Кириль философъ, а греческій алфавитъ—элины не крещены суще. Паче и потому-же пермская грамота паче элинскія, юже Стефанъ сотвори. Кирилу философу способляючи многожды братъ его Меѳодій. Стефану-же никто-же обрѣтесе помощникъ... Аще кто речетъ слово на пермскую грамоту, и похуляя глаголетъ, яко не гораздо устроена азбука си, достойна есть починиваться, то и греческую грамоту починивали“ и пр. Далѣе доказывается преимущество русской грамоты передъ греческою тѣмъ, что ее сотворилъ именно Кириль-философъ, и притомъ въ извѣстное время, а о происхожденіи греческой грамоты подробности вполнѣ неизвѣстны. Только со временъ Никона русскіе начали заботиться о пріобрѣтеніи греческихъ книгъ, да и то исключительно богословскихъ. Арсеній-грекъ, напр., купилъ для Никона болѣе 100 книгъ, и изъ нихъ не богословскаго содержанія были только слѣдующія: „4 книги Аристотеля-философа, 1 книга Демосфена-фи-

лософа, 2 книги Плутарха-философа, 1 книга Геродота-философа, 1 книга Фукидида-философа, 1 книга Стобея-философа“. Въ Соловецкомъ монастырѣ, изъ числа 1,378 печатныхъ и рукописныхъ книгъ, 1,112 были богословскаго и богослужебнаго содержанія; въ Кирило-бѣлозерскомъ монастырѣ изъ 1,938 книгъ однихъ только богослужебныхъ было 810, остальные—богословскія. И такъ было во всѣхъ книгохранилищахъ. Тяжелый трудъ списыванья книгъ препятствовалъ ихъ распространенію, а неимѣніе школъ и страшная безграмотность народа не позволяли ему пользоваться даже книгами, имѣвшимися въ оборотѣ. Грамотность была почти исключительнымъ достояніемъ одного служилаго, церковнаго и гражданскаго сословія. Даже „русскіе епископы — люди не книжны“, говорилъ митр. Исидоръ на флорентійскомъ соборѣ, а въ концѣ XV в. Генадій, новгородскій архіерей, писалъ: „приведутъ ко мнѣ мужика (для поставленія въ попы), и я ему велю Апостоль чести дати, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему велю Псалтырь дати, а онъ и по тому едва бредетъ; и я его *отреку* (откажу), а они извѣтъ творятъ: *„земля, господине, такова, не можетъ добыти, кто-бы гораздѣ грамотъ“*, ино всю землю *излаять*, что нѣтъ чловѣка на землѣ, кого-бы избрати на поповство. Да мнѣ челомъ бьютъ: „пожалуй, господине, вели учить“; и я прикажу учить ихъ эктеніи, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говоришь ему то, а онъ говоритъ иное. Я велю имъ учить азбуку, а они поучатся мало азбукѣ, да просятся прочъ и не хотятъ ее учить... а хотя и учатся, то не отъ усердія, и живутъ долго; а на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія, а мой силы нѣтъ, что ми ихъ не учить ставить“ (Порф., 452). Даже въ началѣ XVIII в. Цосошковъ, объясняя причины раскола невѣжествомъ пресвитеровъ, говорилъ: „не только отъ лютеранской или римской ереси, но и отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ оправити себя... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кириловича Нарышкина, что и татаркѣ, противъ ея заданья, отвѣту здраваго дать не умѣлъ; что-же можетъ рещи сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не знаетъ“ (стр. 666). „Русскіе, писалъ Олеарій въ концѣ XVII в.,—нисколько не уподобляются древнимъ грекамъ, хотя прибытіемъ къ нимъ послѣднихъ и происхожденіемъ отъ нихъ они хвалятся, такъ-какъ ничего не переняли и не удержали отъ этого умнаго и образованнаго народа, ни въ языкѣ, ни въ искусствахъ. Русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ. Естественныя науки, будучи чужды русскимъ, особенно подвергаются ихъ грубому и глупому осужденію, если имъ удастся что-нибудь перенять изъ нихъ; астрономію они считаютъ волшебной наукой; опредѣленіе и предсказаніе солнечнаго и луннаго затмѣ-

нія или движенія какой-нибудь планеты они считают дѣломъ сверхъестественнымъ“. Это говорилось не о черни, а о высшихъ классахъ общества.

Кромѣ богослужебныхъ и чисто-богословскихъ книгъ, древнерусская письменность состояла прежде всего изъ разныхъ переводныхъ сборниковъ богословскаго, нравоучительнаго и отчасти научнаго содержанія (*Златоструй, Маргаритъ, Златая цѣль, Пчела, Измарагдъ* и т. д.), нѣсколькихъ географическихъ, историческихъ и лечебныхъ сочиненій. Изъ этого скуднаго, жалкаго запаса русскій человѣкъ могъ получить самыя неполныя, сбивчивыя и превратныя представленія о мірѣ. Вотъ что говоритъ, напр., Косьма Индиклоповъ: „нѣцѣи убо христїанствовати мняще и божественныя писанія ни во что-же помышляюще, но небрегуще и преобидающе, по вѣшнимъ-же философамъ кругообразну быти образу небесному мняще, отъ солнечнаго и луннаго теченія прельщаеми. Прежде всего рекшимъ и лѣстящимся первое слово есть, яко не мощно есть христїанствовати хотящему быти въ повиновеніи у вѣшнихъ философъ, ибо аще кто хоцетъ проити элинскія измѣненія созданія міра, вся обрящетъ не истинныя мудрованія, лѣстивная“. Далѣе Косьма наивно доказывалъ, что земля четырехугольна, небо въ видѣ полукруга, прикрѣплено къ краямъ ея, и что окрестъ всей земли океанъ. Чужія отдаленныя страны изображались въ самомъ фантастическомъ видѣ, населенными циклонами, великанами, пигмеями, людьми съ пѣсьми головами и т. д. (стр. 214—220). Мало этого, русскіе книжники даже въ XVII в. слѣдующимъ образомъ изображали Сибирь, уже болѣе ста лѣтъ покоренную русскими: „на восточной странѣ, за югорскою землею, надъ моремъ, живутъ люди *молонгозны* *), самоѣдъ зовомы, а ядь ихъ рыба, да мясо, да межи собою другъ друга ѣдятъ, а гость, который къ нимъ придетъ, и они дѣти свои закаляютъ на гостей да тѣмъ кормятъ, а своихъ такожде“; каждую зиму они замерзаютъ въ водѣ, которая подъ вліяніемъ холода выходитъ у нихъ „изо рта, аки отъ потока“ и т. д. Немногочисленные русскіе путешественники XII—XVI в., Даніилъ, Никитинъ, Коробейниковъ и др., своими разсказами распространяли тѣ-же самыя баснословныя представленія о землѣ и ея народахъ и передавали преимущественно такія свѣденія: „Подъ горою святыя Голгофы стоитъ церковь каменная не велика, а въ ней гробъ Мелхиседековъ, и въ той-же церкви видятъ расѣблину каменную отъ святыя Голго-

*) Вѣроятно, это слово отъ бывшаго (около нынѣшняго Туруханска) города Мангазеи. Эта выдержка взята мною изъ статьи „О человѣцѣхъ незнаемыхъ“, въ одномъ сборникѣ соловцевой бібліотеки.

фы". „И на той-же горѣ (Голгофѣ) отъ Лобнаго мѣста къ полудню саженой съ пять, и ту то мѣсто, идѣ-же Авраамъ Господеви въ жертву заклати сына своего, Исаака, хотя, и указано бысть ягня ему, въ саду Савековѣ за древо масличное привязано, и [то древо стоитъ до сего дня зелено, а ломають его странники на благословеніе“. „На томъ-же Сіонѣ есть пещера, гдѣ царь Давидъ псалтирь сложилъ. И отъ того мѣста верженіемъ камени на томъ-же Сіонѣ отсѣкъ ангелъ Господень руцѣ жиловину, прикоснувшись гробу пресвятыя Богородицы“ (стр. 567—8). Историческія свѣденія были не лучше, — тутъ шли за исторію и легенды о царицѣ Савской, и мифическіе подвиги Александра Македонскаго, и „Исторія Иосафата царевича“, и, пожалуй, даже средне-вѣковыя повѣсти, перешедшія потомъ въ русскія сказки о Бовѣ, Ерусланѣ и т. д. Медицина состояла изъ *травниковъ, чаровниковъ, лечебниковъ*, въ которыхъ не было ничего научнаго, а астрономія замѣнялась гадательными книгами, какъ „Звѣздочетецъ“, „Рафли“, „Аристотелевы врата“. Все это не развивало ума и только плодило суевѣріе. Были и нѣкоторые философскія сочиненія, вродѣ „Діалектики“ Дамаскина, въ такомъ духѣ: „благженный Константинъ философъ, спросимъ бывъ отъ схоластика Логофета Вирисихія, что есть философія, отвѣща и рече: философія есть страхъ Господень, философія есть добродѣтельное житіе, философія есть отбѣжаніе всякаго грѣха, философія есть отлученіе всего міра, философія есть любовь непрестанная къ Богу, философія есть Божиимъ вещемъ и человѣческимъ разумъ благосмотрѣливъ, и елико человѣкъ можетъ благими дѣлы приблизиться къ Богу, яко дѣтелю, учить его по образу и по подобію быти сотворшему и“ (стр. 197). Но русскіе книжники не любили и такой „философіи“ и даже хвастались: „философію ниже очима видѣхъ, и не учихся у философовъ, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не слышахъ, ни философіи не навѣкъ“, и проч. Другіе учили даже: „Братіе, не высокоумствуйте! Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: элинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философиами не бывахъ“. Отцы внушали дѣтямъ сдерживать умъ отъ всякаго высшаго мышленія: „учася грамотѣ, учися держати умъ, безъ сего и грамота не пользуетъ; высочайши себе не ищи, а глубочайши тебе не испытуй, но елико ти предано отъ Бога, си содержи, — высочайшее убо себѣ — небесное измѣреніе, высокопаривая мысль“ и проч. Открещиваясь отъ „лжеименнаго разума“, древне-русская письменность развила то вполне фетишистское поклоненіе книгѣ и буквѣ, которое такъ рѣзко выразилось въ старообрядествѣ и въ мифѣ о книгахъ премудрости, „яко семь горъ толщина, долго-

ты-же ихъ умъ человѣчъ не можетъ разумѣти, имуще семь печатей“ (стр. 268), или, какъ говорится въ извѣстномъ духовномъ стихѣ:

Долины книга сороку сажень,
Поперечины—двадцати сажень...
На рукахъ держать—не сдержать будетъ,
На налой положить божій—не уложится...
Читалъ онъ ее три года,
Прочиталъ только три листа!..

Подчиненіе ума буквѣ шло параллельно съ развитіемъ крайняго аскетическаго воззрѣнія на жизнь. Древне-русская письменность родилась и выросла въ монастырѣ, и монашеское міросозерцаніе посредствомъ нея прочно утвердилось въ обществѣ. Духовенство и книжники неустанно учили бѣжать суеты мірской, отрекаться отъ всего земнаго и дѣйствительнаго и предаваться отшельничеству, какъ высшему идеалу самоусовершенствованія. „Когда отроку, говоритъ Іосифъ Волоцкій,—исполнится 15 лѣтъ, надобно испытывать его, хочеть-ли онъ постричься; если хочеть, то отпустить въ монастырь; если-же нѣтъ, то отрока женить, а дѣвицу выдать замужъ; живя въ мірѣ, невозможно сохранить чистоту душевную и тѣлесную“. Затѣмъ и вообще всякому боголюбивому человѣку онъ совѣтуетъ давать Богу *десятину* не только отъ имѣнія, но и *отъ чада и отъ рабовъ*. „Если тотъ, кто даетъ Богу богатство тлѣнное, получить награду, тѣмъ болѣе награжденъ будетъ тотъ, кто приносить въ даръ душу безсмертную, *я-же недостойнъ весь міръ*“ (стр. 468). Правда, духовенство постоянно обличало мірянъ въ недостаткѣ уваженія къ себѣ и церкви, и митрополитъ Давидъ, напр., говорилъ въ одномъ изъ своихъ поученій: „Вездѣ и повсюду пастыри приемятъ бѣды и скорби отъ всѣхъ. Когда видитъ пастырь нѣкоторыхъ людей, глаголющихъ неподобное или творящихъ законопреступное, и станеть учить ихъ, и непослушнымъ воспретить, то многую ненависть воздвигаютъ на него, надымаются, хапаютъ, досаждаютъ, ложная *шеперанія* (вздорныя выдумки, пустяки) спиваютъ, клеветы, студъ, укоризны, и еслибы возможно было, то и умертвили-бы,—такъ прельщаетъ ихъ сатана своими лукавствами. А когда пастырь снова начнеть учить ихъ, говоря: о, чада, дѣлайте такъ, какъ повелѣваютъ намъ Христовы заповѣди и другія божественныя писанія, то они отвѣчаютъ, говоря: прежде себя научи; писано бо есть: начать Иисусъ творити и учить. А иногда говорятъ: доколѣ тебѣ учить насъ? а ты самъ по писанію-ли житіе хранишь? А онъ, а сей по писанію-ли живутъ? Только на насъ ты вооружился, а тѣхъ развѣ не видишь? А себя развѣ забылъ? О, отче, отче, како ти нѣсть срама!.. Если-же кто на па-

стырскомъ и учительскомъ сѣдалищѣ будетъ простъ, тихъ, кротокъ, смиренъ, то скажутъ: сей человѣкъ простой келейный, а не властительскій; не его дѣло учить, наказывать и запрещать“. Въ другой проповѣди Даниилъ и вооружается противъ несоблюдающихъ заповѣди Божіи, и обличаетъ современниковъ въ распущенности нравовъ. „Когда ты слышишь божественное писаніе или кого говорящаго отъ писанія, то, какъ аспидъ, затыкаешь свои уши, будучи помраченъ прелестію сатаны. А когда услышишь, что собираются въ божественную церковь на молитвы и моленія, то убѣгаешь какъ звѣрь, пронырть ешь, какъ змій, лаешь на братію, какъ песъ, и валяешься въ нечистотѣ, какъ свинья въ тинѣ, и блаженную совѣтницу свою, т. е. совѣсть, совѣтующую тебѣ благое, ты попралъ, отринулъ и испепелилъ: объядаешься и пьянствуешь, какъ скотъ, и злопамятствуешь на братію, какъ сатана. А когда срама ради придеши въ божественную церковь, то и не знаешь, зачѣмъ пришелъ: зѣваешь, потягиваешься, поставляешь ногу на ногу, выставляешь и потрясаешь бедра и кривляешься, какъ похабный“ (стр. 513). Но всѣ эти обличенія показываютъ только, что въ обществѣ сознавался разладъ жизни духовенства съ его идеалами, что сильно содѣйствовало развитію сектантства, а духовенство обличало общество въ неполномъ осуществленіи тѣхъ-же монастырскихъ идеаловъ, которыми руководились въ жизни и духовные, и міряне, какъ православные, такъ и сектанты за немногими исключеніями. Въ Домостроѣ вся семейная жизнь до мельчайшихъ подробностей регулирована по монастырскому уставу, и отцы семействъ даже прямо называются *шумнами* и настоятелями домовъ своихъ. Этотъ строй жизни нарушало присутствіе женщины, и вотъ древне-русская письменность въ *притчахъ о женской злобѣ*, въ разныхъ поученіяхъ и въ авторитетныхъ выдержкахъ изъ греческихъ писателей, вооружилась противъ женщины, какъ противъ существа отверженнаго, источника всяческихъ золъ, любимѣйшаго орудія сатаны; „естество женское“ подвергалось проклятію, и самый бракъ считался терпимымъ только ради немощи человѣческой *). Пѣсни, танцы, хороводы, святочные игры и ряженъе, масляничное катанье и пасхальные качели, шашки и карты, музыка и скоморошество,—все это было отъ дьявола и подвергалось гоненію (стр. 166, 247 и др.). Безчисленные житія и такіа произведенія, какъ макарьевскія „Четиминеи“, эта энциклопедія древней Руси, широко распространяли

*) Болѣе подробно см. въ моей книгѣ „Исторія русской женщины“, изданіе 2-е, исправленное и дополненное, 1879 г.

идеи крайней замкнутости; а проповѣди и поученія пропагандировали нравственно-обрядовыя правила о постахъ, праздникахъ, хожденіи въ церковь, „какъ жити христіанамъ“ и т. д. Разнообразные вопросы о родахъ дозволенной и недозволенной пищи стояли у книжниковъ на первомъ планѣ еще въ XI вѣкѣ, и митрополитъ Георгій, обращаясь къ латинянамъ, такъ объяснялъ, почему монаху дозволены яица и запрещено мясо: „Егда бо яица, говоритъ онъ, — отъ птицъ чистыхъ рожаются, кромѣ крове мясныя зачинаются и рожаются и суть чиста; и молоко тако-же отъ выменъ скотъ чистыхъ четвероногихъ истекаѣй, яко-же и яица, кромѣ крове есть, и се есть чисто. Ваиа-же тучная сала процѣтаютъ съ либѣвыми мясы, и кровавица кунно срослася суть съ собою; вся сія тучная сквозѣ либѣвыхъ и та либѣвая сквозѣ тучныхъ проходить... и суть соединена обоя, и наричутся тучная мяса и не имуть иного разнества имени, едино вкупѣ суща... Аще-ли симъ не вѣруеши, о, латине, то вложимъ яйца въ одинъ горнецъ и вложимъ сала тучная въ инъ горнецъ, и си обоя особъ варимъ яица и сало, да сереблемъ-же мы уху яичную; но елма убо вариши яица въ чистой водѣ, абіе та, яко-же есть и бываетъ чиста вода, ака не варена, така-же и варена. Вы-же паки да сереблете вашихъ салъ уху, да видимъ убо, кыхъ насъ завьицы толще будутъ“ (с. 350—51). Обрядовые вопросы разрабатывались до мельчайшихъ деталей и волновали умы болѣе всѣхъ другихъ вопросовъ, напр., „Вопросы Кирика“ (XII в.): „Можно-ли въ воскресенье рѣзать скотъ или птицу? Можно, въ томъ нѣтъ грѣха.—Можно-ли причащаться тому, у кого идетъ гной изъ устъ? Весьма можно. Не тотъ смрадъ отлучаетъ отъ святыни, который выходитъ изъ устъ, но смрадъ грѣховный.—Можно-ли, давать тому, кто до обѣдни потолчетъ (постучитъ) себѣ въ зубы яйцомъ? Дѣтямъ можно, а взрослому, если потолчетъ не однажды, а много разъ и не по забвенію, нужно возбранять.—Въ какой одеждѣ должно ходить? Не бѣда, если въ медвѣдинѣ.—Можно-ли священнику служить въ той одеждѣ, въ которую будетъ вшитъ женскій платъ? Можно; чѣмъ погана жена?—Нѣтъ-ли грѣха—ходить по грамотѣ, которая изрѣзана и брошена, но на которой еще видны слова? Этотъ вопросъ, возникшій, конечно, вслѣдствіе того, что вся письменность въ старыя времена имѣла священное и церковное содержаніе, оставленъ безъ отвѣта.—Можетъ-ли жена мужу или мужъ женѣ помогать исполнять эпитимію? Можетъ, также какъ другъ другу и братъ брату.—Можно-ли служить сорокоусть и ставить кутью за живого человѣка, если онъ заказываетъ? Можно, только надобно сказать такому человѣку, чтобы онъ послѣ этого не грѣшилъ, потому что мертвые не грѣшатъ.—Можно-ли служить

священнику, если онъ, пообѣдавъ и поужинавъ, не поспитъ, а всю ночь простоятъ на пѣніи и чтеніи? Можно служить и не поспавши; развѣ лучше спать, чѣмъ молиться Богу? Мертваго надобно хоронить до захожденія солнца, когда еще не снимется съ него вѣнецъ, такъ-какъ онъ видитъ солнце въ послѣдній разъ до общаго воскресенія“ (с. 385—86). Или вотъ въ поученіяхъ XVI и XVII в. запрещается, какъ вошло тогда въ обычай, называть кого-бы то ни было „солнцемъ праведнымъ“, ибо одно у насъ солнце праведное—Христосъ; запрещается на иконы вѣшать латинскія и басурманскія монеты, ибо онѣ „подобны суть идоламъ“; объясняется, что часто на дорогахъ лежитъ на-крестъ деревцо, или другая какая-нибудь вещь, или-же бываетъ крестъ на земли написанъ,—и отеческія правила запрещаютъ ходить чрезъ крестъ, а также сидѣть на томъ, на чемъ нашиты кресты, или дѣлать крестомъ (въ формѣ креста) какія-либо вещи изъ дерева или изъ чего другого, или вязать на крестъ и потомъ бросать на землю *простоты ради*. Если на землѣ начерченъ крестъ, то надобно заглазить это мѣсто, а если сложено что-нибудь на-крестъ (въ формѣ креста), то нужно разложить, „да не будетъ крестное знаменіе въ поруганіе человѣкомъ и въ попраніе скоту“ (стр. 365) и т. д. Въмѣстѣ съ обрядовыми увлеченіями развивалась страстная нетерпимость къ чужимъ вѣрованіямъ или, точнѣе, къ чужимъ обрядамъ. При появленіи жидовствующихъ, напр., Генадій потребовалъ учрежденія инквизиціи (стр. 456), а Іосифъ Волоцкій училъ, что еретиковъ должно „*неточію ненавидѣти и осуждати, но и проклинати, и язвити, и тѣмъ руку свою освятити*“, и настоятельно требовалъ казней (стр. 463—467). М. Даніилъ тоже училъ: „осуждаемы бываютъ тати и разбойники и другіе люди, творящіе зло; пріемлютъ казнь поправшіе и оплевавшіе образъ земнаго царя; но если сіи и прочіе пріемлютъ казнь, тѣмъ болѣе должны быть подвергаемы ей хулящіе и безчествующіе Сына Божія и пречистую Богородицу; совершенною ненавистью ихъ должно возненавидѣть“ (стр. 514). Изъ этой нетерпимости вытекала и ненависть къ „поганымъ“ иностранцамъ, и уже въ началѣ царствованія Петра патріархъ писалъ въ своемъ завѣщаніи: „православные христіане по чину и обычаю церковному молятся Богу; а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане, пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, всячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики-же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по предести ихъ хулы износятъ. Христіане постятся; еретики-же никогда,—ихъ, по глаголу апостольскому, Богъ—чрево... Паки воспоминаю, новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ пере-

414

мѣнь не вводить, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространяться и вѣра въ Господа Бога возрасти день ото дне... Здѣ чего не бывало, и то еретикомъ повелѣно“ и проч. Въ силу-то подобныхъ взглядовъ всѣ произведенія письменности дѣлились книжниками на „истинныя и ложныя“, или „отреченныя“, и послѣднія, подобно народнымъ пѣснямъ и игрищамъ, подвергались преслѣдованію. Но при этомъ, благодаря своему невѣжеству, книжники сплошь и рядомъ, вмѣсто однихъ „отреченныхъ“ идей, пропагандировали другія, тоже въ сущности „отреченныя“. Съ развитіемъ раскола, напр., идею о пришествіи антихриста книжники объявили еретическою, суевѣрною и отреченною, а между тѣмъ сами-же пропагандировали ее втеченіи не одного вѣка. „Божественное писаніе, говорили они,— ясно учить насъ: *„на осьмомъ вѣкѣ быти хотящу всѣхъ устройствю, сирѣчь и греческія области престатію и началу мучительства богоборца антихриста и второму страшному на земли Спасца Христа пришествію“* (стр. 492). „Нынѣ послѣднія времена, писалъ еще въ XIV в. м. Кипріанъ,—и лѣтамъ окончаніе приходитъ, и конецъ вѣку сему, бѣсъ-же вельми рыскаетъ, хотя всѣхъ поглотити“ (стр. 434). Антихриста ожидали даже такіе сравнительно образованные люди, какъ кн. Курбскій (стр. 547). Когда св. Стефанъ изобрѣлъ пермскую грамоту, то многіе говорили, что не стоило изобрѣтать ее къ концу міра, который послѣдуетъ чрезъ 120 лѣтъ. Въ одной русской пасхалии противъ 1492 г. было написано: *„здѣ страхъ, здѣ скорбь! Аки въ распятіи Христовъ сей кругъ бысть, сіе мѣто и на концѣ явися, въ неже чаемъ и всемірное твое пришествіе“*. Послѣднимъ годомъ считался именно 1492 годъ, а послѣднимъ мѣсяцемъ—мартъ. По апокрифическимъ сказаніямъ (о 12 пятницахъ и о недѣлѣ), въ мартѣ мѣсяцъ созданъ былъ Адамъ, въ мартѣ евреи перешли чрезъ Чермное море, въ мартѣ было Благовѣщеніе, смерть Спасителя, въ мартѣ-же послѣдуетъ и кончина міра (стр. 461).

С. Шашковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)